

УДК 821.161.1+82.0

«ОБРАЗ АВТОРА» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА**Дырдин А.А., Загороднюк А.Н.***ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет»,
Ульяновск, e-mail: dyrd@mail.ru; zalexling@gmail.com.*

Произведен теоретический анализ категории «образ автора», выделены основные характеристики и приведены примеры проявления авторской позиции в рассказах А. Платонова. Работа является начальным этапом в исследовании данной темы в сочетании дискурсивных и ценностных критериев. В статье рассматриваются различные точки зрения на понятие «образ автора», определяется универсальный характер данной категории, делается акцент на особенностях стиля писателя. Рассматривается директивный тип отношения между автором и читателем, акцент ставится на противоречиях в выражении авторской позиции. Показаны пути создания и описания героев посредством использования определенных речевых средств, характерных для языка Платонова. Указывая на существующие представления и способы изучения понятия «образ автора», авторы работы выявляют его своеобразие на основе платоновского сознания, голоса, стиля. Рассмотрены способы объективизации авторских представлений о мире и речевая структура нескольких текстов Платонова 1920-х – 1940-х годов. В произведениях Платонова образ автора воспринимается как объективизация его творческой мысли, чувства родины, России, её этических, духовных ценностей.

Ключевые слова: интерпретация текста, образ автора, объективизация сознания, читатель, модальность**ANDREY PLATONOV'S «AUTHOR MODE»****Dyrdin A.A., Zagorodnyuk A.N.***Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, e-mail: dyrd@mail.ru; zalexling@gmail.com.*

The paper is devoted to a problem of Andrey Platonov's author mode research. This work is the first step in the exploration of the topic combined discourse and value criteria. It describes various author modes theories: definitions and components. The main stress is forwarded to Andrey Platonov's works, moderating the author mode term by making a research of Andrey Platonov's works. Work describes Andrey Platonov's way of describing main characters, nature, his way of thinking as an author, attitude to the life in general and to the life in his works, his and characters' philosophy. One of remarkable point of discussion in the work devoted to a directive way of communication between author and reader. Semasiology, grammar and phraseology of Andrey Platonov's language are described by using Bahtin M. and Valgina N. results of investigation in literature science. This work shows that reader, author and main characters are having strong connection between each other which is the result of Andrey Platonov's language building, world describing and way of thinking. Means for this research were Andrey Platonov's texts which were published from 1920 to 1940's. In the works of the author's image was perceived as Platonov objectification is his creative thoughts, feelings, Russia, its ethical, spiritual values.

Keywords: text interpretation, author's image, objectification is consciousness, reader, modality

Теоретико-обобщающий подход к исследованию проблемы автора одним из первых осуществил В.В. Виноградов, предложив свою интерпретацию термина: «образ автора – центр, фокус, в котором скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приемы произведений словесного искусства». <...> Авторский образ – «это концентрированное воплощение сути произведения» [5, с. 125].

«Образ автора» – ключевое понятие при исследовании творчества любого художника, считает Н.Д. Тамарченко. Все микроэлементы анализа сводятся в конечном итоге в макросферу «авторского образа», в котором объединены «биографический, мировоззренческий, поэтический аспекты произведения» [14, с. 75].

Н.С. Валгина убеждена в том, что изучение произведения не может оказаться полным и адекватным, если оставить без внимания понятие «авторская модальность», столь важное для нашей темы: «оно скрепляет все единицы текста в единое смысловое и структурное целое» [4, с. 59].

Обращаясь к творчеству Платонова, исследователь дает образу писателя такую характеристику: «Способность ощущения человеческой души как чего-то почти осязаемого, как живой поверхности сердца, стыдливость перед пафосом» [4, с. 66].

Целостный образ автора-творца обусловлен всем его наследием, но в первую очередь теми текстами, в которых авторские мыслительные интенции, его художественная философия проявились с наибольшей полнотой.

В рассказе Платонова «Ветер-хлебопашец» (1944) читаем: «Когда свои войска наступают, солдату не с руки бывает попадать в тыловой госпиталь по нетрудному ранению. Лучше всегда на месте в медсанбате свою рану перетерпеть» [13, с. 263]. В авторском суждении проявлено и отношение к содержанию высказанной мысли. Степень уверенности в том, о чем говорит повествователь, значительна. Вот цитата из рассказа «Взыскание погибших – 1943», заглавие которому дал иконописный сюжет: «Мертвым некому довериться, кроме жи-

вых, – и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем взыскана их гибель» [13, с. 220]. Авторская модальность явственно выражена в вышеприведенных примерах. Необычная словесно-образная структура фраз и заключающаяся в них нравственная оценка приводят к заинтересованному восприятию произведения читателем.

Важным компонентом структуры литературного произведения является директивный тип взаимоотношений между автором и читателем. Некоторые ученые называют его директивным типом дискурса, связывая с теорией речевых актов, другие употребляют термин «модальность». По мнению В.Н. Мещерякова, «модальность – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций» [7, с. 99]. Модальность влияет на понимание читателем смысла рассказа, выявляет важные грани образа автора через рецепцию текста. Стоит отметить, что Платонову-автору директивность несвойственна, однако речь героев наполнена разными видами директивных высказываний – от самых категорических (приказы, указания, требования) до мягких (совет, предположение, объяснение и т.д.). В «Ямской слободе» (1927) читаем: «– Филат! – сказал он. – Ставь самовар – теплая вода нужна, а позже на базар сходишь и в аптеку!» [11, с. 256]. Субъектом речи может быть автор, рассказчик, повествователь. Все эти повествовательные модели объединяется взглядом автора на действительность – мировоззренческим, нравственным, социальным. Это воплощенное в речевой структуре текста «личностное отношение к предмету изображения и есть образ автора, тот цемент, который соединяет все элементы текста в единое целое» [4, с. 62].

Исследователи настаивают на том, что «образ автора» – понятие, имеющие несколько значений, однако основным является взгляд автора на события, его отношение к человеку и миру, запечатленное в произведении. Вслед за Б.О. Корманом мы выделяем три ипостаси категории «автор»: автор-демиург (реальный, биографический автор), автор-повествователь и имплицитный, концептированный автор. По мнению литературоведа, если видеть в авторе «носителя концепции, то нужно принять как обязательное следствие мысль о том, что автор непосредственно не входит в текст: он всегда опосредствован субъектными и внесубъектными формами» [6, с. 259]. Можно совместить точки зрения и сказать: восприятие личности автора через формы ее

воплощения в тексте – процесс двунаправленный. Он сориентирован на взаимоотношения автора и читателя. Примеры такой «двунаправленности» у Платонова многочисленны. «Артем исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она была, – она была лицом белая, добрая, глаза ее весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от нее так же, как от матери, теплым хлебом и сухой травой» [12, с. 174] («Еще мама», условная датировка – 1936 г.). В единстве эмоций рассказчика и персонажа угадывается и личность автора.

Самыми распространенными определениями личности автора в работах, посвященных творчеству Платонова, являются: «необычный», «странный», «потаённый». Я.Р. Бульская связала эти характеристики с амбивалентностью и противоречивостью авторской модели у Платонова. Свообразие его дискурса – в сочетании двойственности повествовательной позиции (родство – отстранённость) с сердечным отношением к жизни и к людям, эту жизнь олицетворяющим. «Основа авторского отношения к событиям и персонажам – сострадание и причастность. Создается впечатление, – отмечает исследователь, – что между субъектом и объектом повествования существует глубинная живая связь, «родство», которое позволяет прочувствовать и воспроизвести в слове состояние перерождающегося мира» [3, с. 46–47].

Вот образец «странности» языка А. Платонова, взятый нами из послевоенного рассказа «Свежая вода из колодца»: «Для Альвина ничто не было безжизненным, он имел отношение к каждому предмету, к любому живому творению и не знал равнодушия <...>». Авторская речь имеет своей «закваской» состояние души героя. Поэтому повествовательную характеристику персонажа: «он увидел не видимое им – людей и природу в их истине, прелести и в их усилении к будущему времени – и соединялся с ними своим сердцем и своей силой <...>» [13, с. 486].

М. Бахтин как-то заметил: «Говорящий человек в романе – всегда в той или иной степени идеолог, а его слова всегда идеологема. Особый язык в романе – всегда особая точка зрения на мир, претендующая на социальную значимость» [1, с. 146]. Единство подхода писателя к жизни, сложный, духовно-напряженный мир его размышлений о взаимоотношении личности и природы, быта и бытия, постоянная забота о практических и душевных потребностях человека труда обуславливают специфику образа автора у Платонова. Это свойство – «сердеч-

ная заинтересованность» [13, с. 496] и стремление автора «сберечь в памяти и в образе каждого человека в отдельности» [13, с. 495] – наглядно проявляется в рассказе «Иван Толокно – труженик войны» (1943): «– Я всегда чувствую себя хорошо, товарищ капитан, – ответил Толокно командиру. – А почему всегда? – заинтересовался капитан. – А по необходимости! – объяснил Толокно» [13, с. 131].

В повести «Епифанские шлюзы» (1927) встречается такая фраза: «Пустая, низкая комната звучала от неистового скрежета зубов и плача Перри. Он опрокинул стол и метался в тесноте, воя от хлынувшего страдания и потеряв всякий характер. Сила горя свирепела в нем и запечатлевалась как попало и без всякого надзора со стороны разума» [11, с. 120]. Перед нами – реплика, содержащая авторскую оценочную рефлексию.

«Я поясню, я не сторонник, а противник «картинок с натуры», протоколов жизни и прочего, я за запах души автора в его произведениях и, одновременно, за живые лица людей и коллектива в этом же произведении», – писал Платонов в одной из своих литературно-критических статей [9, с. 48].

Драматизм, психологическая энергия и своеобразие авторского стиля Платонова («запах души») выявляются не только в использовании экспрессивных элементов речи. Читатель находится в среде, которая наполнена словесными оборотами, помогающими раскрыть и воссоздать сюжет произведения, формы проявления личностного начала.

Строй и лад мысли героя и автора у Платонова предельно сближены. В «Епифанских шлюзах», повести о событиях петровской эпохи, он использует элементы сказового стиля. В речь автора-повествователя включены лексика, стилистические обороты, характерные для персонажей: «Натура в сих местах обильна: корабельные леса все реки в уют одежи, да и равнины почитай им и сплошь укрыты. Алчный зверь наравне с человеком себе жизнь промышленет, и сельские россы великое беспокойство от них держат» [11, с. 95].

Структура повествования в платоновских текстах определяется тесной связью с народным идеалом жизни. Платонов-автор стоит рядом со своим героем, а не над ним. Отсюда самооценочность речевой манеры каждого персонажа, несущего собственную точку зрения на мир. Близость авторского языка к просторечию можно подтвердить множеством примеров. Приведем один из них: «Звездов много, молонья сверкуляет – сколь неизреченны чудеса натуры! [10, с. 236] («Рассказ не состоящего больше во жлобах» – 1923). Или еще один пример из раннего рас-

сказа «Апалитыч» (1920): «– Вот, когда ни села этого, ни Дона еще не было, пас раз я царских коров, и едет машина по рельсам, а коровы стали на путях, ни взад ни вперед. Стал я супротив и окоротил машину» [10, с. 147].

В рассказах и повестях Платонова мы сталкиваемся с поразительной скупостью стилистических средств, сдержанностью тона повествования. Автор передает тревожное состояние жизни, сохраняя в самых кульминационных точках развития сюжета ровную, «нейтральную» окраску авторской речи. В «Епифанских шлюзах» этот тон более яростен: «Петр приказал Протасьева бить кнутом, а потом сослал его на Москву для дополнительного следствия, но он там досрочно с печали и стыда умер» [10, с. 108]. «Последние слова он сказал на местном языке, по-епифански, поэтому Перри ничего в них не понял. А если б и понял, то добра бы в них себе не увидел» [10, с. 112].

А. Платонов предстает в своих произведениях не только как наблюдатель, но и как непосредственный участник событий. Нередко повествовательная форма является субъективно-объективной, соответствуя повседневному опыту жизни: «Она написала на доске: «Родина». Артем стало было переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался» [12, с. 177] («Еще мама»); «Иван помнил свою жизнь с одного давно минувшего раннего утра; было еще темно, когда маленький Иван открыл глаза, но, увидев тьму, он в страхе перед нею опять закрыл их» («Дар жизни» – не ранее 1944 г.).

Есть у Платонова произведения, написанные от первого лица. Этот тип повествования доминирует в ранних рассказах: «Моя фамилия Дерьяменко. Идет она от барского самоуправства: будто предки мои в давнее время с голоду ели однажды барские тухлые харчи-дерьямо, оттуда и пошло Дерьяменко» [10, с. 49] («Рассказ о потухшей лампочке Ильича» – 1926). Платонов часто избирает эту форму субъекта повествования, усложняя его структуру. Рассказ ведется от первого лица, но при этом обнаруживаются авторские интенции, авторская модель мира. «Шел я однажды по этому делу из госпиталя. Я шел уже не в первый раз, а в четвертый, но в прежние случаи мы на месте обороны стояли: откуда ушел, туда и ступай» [13, с. 263], – пишет Платонов. И тут же изменяет перспективу повествования, формирует образ близкого герою автора: «И жалко мне было сразу разлучаться с этим сухоруким пахарем. Тогда – что ж мне делать – я поцеловался с ним на прощанье, чувствуя братство нашего народа: он был хлебопашец, а я солдат. Он кормит мир, а я берегу его от смертного немца. Мы

с пахарем живем одним делом» [13, с. 266] («Ветер-хлебопашец»).

Голос автора и голос героя могут соединяться в речи повествователя. Это слияние происходит нередко в границах одного предложения. Такой вид повествования называется несобственно-авторским. В рассказе «Дар жизни» автор-повествователь не только употребляет речевые формы, свойственные персонажу, но и думает, чувствует как герой: «Тогда он переводил свой взор в землю, или на подорожную былинку, или еще куда-либо; слабый ветер шевелил земные крошки, и былинка кивала головкой, а Ивану казалось, что он понимает их неслышные голоса: “Мы тоже сироты, мы тоже живем без отца и матери...”» [12, с. 203]. Это тот случай, когда два субъекта сознания (автор и герой) совпадают, а субъектом речи является рассказчик.

В сознании читателя происходит столкновение нейтрального типа авторского повествования, основанного на литературно-языковых законах, и той специфической повествовательной формы, которую создает Платонов, опираясь на особенности речи героя. В «Епифанских шлюзах» встречается необычно построенная фраза: «Тогда Перри увидел, что зря таким штурмом он работы повел и столь многочисленных работных, служилых и мастеровых людей в них сразу втравил. Следовало бы начать работы спрехвала, чтобы дать народу и мастеровым к труду такому притерпеться и очухаться» [11, с. 109]. Этот вид организации речи напоминает сказ, но имеет иную функцию – эстетически-ценностную, открывающую идейность и аксиологичность автора. У Платонова отражение противоречивой, трагической реальности в образе автора – единственно допустимый способ введения авторской личности в событийное пространство. «Сказ воспроизводит речевую манеру, создает облик повествователя с его собственной картиной мира; повествование в повестях Платонова само – целый мир, одухотворенный автором», – замечает Я.Р. Бульская [3, с. 49]. Платонов представляет жизненные картины как бы в двойственном виде. Между авторским взглядом на мир и миропредставлением героев нет различия: «Капитан указал рукой на заходящее солнце; бойцы посмотрели в великое пространство, ожидающее их, – потоки разноцветного света на небе походили сейчас на играющую торжественную музыку, уводящую сердце человека в безвозвратный путь» [13, с. 132] («Иван Толокно – труженик войны»).

Повествователь – это только одна из форм конструирования авторского образа. Рассказчик, чьими глазами в произведении

увиден пейзаж или событие, может быть не назван, не персонифицирован. Такой «обезличенный» повествователь – «одно из проявлений сознания автора» [8, с. 24]. Метафорически эту мысль выразил С.Н. Бройтман, утверждая: «сам автор растворяется в своем создании, как Бог в творении» [2, с. 144].

В рассказах Платонова повествователь всегда являет авторскую идею, которая, совмещаясь с умонастроением героя, расширяет пространство интерпретации. Подобный тип отношений принято называть отношением цельности: «На дворе в драку молотили хлеб и дивились маленькой напористой машине – электромотору. Всю ночь зарево пропускало над собой тучи, и темная долина Тамлыка была впервые освещена от сотворения мира» [10, с. 57] («Рассказ о потухшей лампочке Ильича»).

Эмоциональный строй воссоздания событий в платоновской малой прозе в значительной мере зависит от авторского мироощущения, от авторской оценки происходящего. «Еще недавно эти люди заново построили свою родину, теперь они строят вечное добро победы человечности над врагом его существования» [13, с. 136] («Иван Толокно – труженик войны»), – высказывает автор глубокую мысль о значении «вечных истин» в эпоху трагических испытаний, изображает силу русского характера, мужество одухотворенных людей. Авторское восприятие военных эпизодов обнаружило одну из значимых тенденций – стремление к синтезу качественно отличающихся предметов изображения: героически высокого и страшного в своей обыденности лика войны. «Мины и пулеметные струи стремились через головы саперов на пережат и там поражали воду и лед» [13, с. 137]. Так показана в этом же тексте бытийно-объективная природа боя.

Платоновский повествователь – связующее звено между авторским миропониманием и онтологическим планом, воплощенным в поэтической действительности и в образах-характерах, которые выступают ценностными центрами произведения: «Он чувствовал, как тепло веры народа и праведность его духа питает его, и судьба его, Махонина, как русского солдата, благодатна, и сейчас уже, а не в будущем он знает свое счастье» [13, с. 238] («Среди народа» – 1944). Образ автора скрепляет структуру рассказа, выражая его целостность, единство внешнего (сюжетного) и внутреннего (идейно-смыслового) уровней текста. Авторская интонация имеет здесь утверждающее значение.

Указывая на существующие точки зрения и способы изучения понятия «образ ав-

тора», мы конкретизировали их, рассмотрев формы субъекта повествования в произведениях Платонова 1920-х – начала 1940-х гг. Для них характерна активность авторского отношения к изображенным событиям и человеческим характерам. Миросприятие и художественное сознание Платонова, воплощенные в речевой структуре текста, оказывают сильное воздействие на читателя близостью к основам русской жизни. Образ автора, который сложился в платоновской малой прозе, – это эстетическая объективация писательского «чутья правды» (А. Платонов), чувства родины, национальных духовных ценностей.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: МГУ, 1986. – 445 с.
2. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины; под ред. Л.В. Чернец. – М.: МГУ, 2000. – С. 145–155.
3. Бульская Я.Р. Повести Андрея Платонова: цельность мироощущения и амбивалентность образа автора // Кафедральные записки. Вопросы новой и новейшей русской литературы. – М.: МГУ, 2002. – С. 43–51.
4. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
5. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 2005. – 239 с.
6. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Теория литературы. История русского и зарубежного литературоведения: хрестоматия. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 258–266.
7. Мещеряков В.Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки. – 2001 – № 4. – С. 99–105.
8. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении: учебное пособие. – М.: МГУ, 2008. – 44 с.
9. Платонов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. – М.: Время, 2011. – 719 с.
10. Платонов А.П. Сочинения. Т. I. Кн. 1-я. Рассказы. Стихотворения. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 645 с.
11. Платонов А.П. Эфирный тракт. Повести 1920-х – начала 1930-х годов. – М.: Время, 2009. – 560 с.
12. Платонов А.П. Сухой хлеб. Рассказы, сказки. – М.: Время, 2011. – 416 с.
13. Платонов А.П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов. – М.: Время, 2010. – 544 с.
14. Тмарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия для студентов филологических факультетов. – М.: РГГУ, 1999. – 286 с.

References

1. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow, MSU Publ., 1986.
2. Broitman S.N. Liricheskiy subekt, Vvedenie v literaturovedenie: osnovnye ponyatiya i terminy. Moscow, MSU Publ., 2000, pp. 145–155.
3. Bulskaya Y.R. Povesti Andreya Platonova: tselnost mirooschuscheniya i ambivalentnost obraza avtora. Moscow, MSU Publ., 2002.
4. Valgina N.S. Teoriya teksta. Moscow, Logos Publ., 2003.
5. Vinogradov V.V. O teorii hudozhestvennoy rechi. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 239 p.
6. Korman B.O. Itogi i pespektivy izucheniya problem avtora, Teoriya literatury, Istoriya russkogo i zarubezhnogo literaturovedeniya: hrestomatiya. Moscow, Flinta Publ., 2011. pp. 258–266.
7. Mescheryakov V.N. K voprosu o madalnosti teksta, Filologicheskie nauki №4. Moscow, Oniks Publ., 2001. pp. 99–105.
8. Orlova E.I. Obraz avtora v literaturnom proizvedenii, Uchebnoe posobie. Moscow, MSU Publ., 2008.
9. Platonov A.P. Fabrika literatury: Literaturnaya kritika, publitsistika. Moscow, Vremya Publ., 2011. 7
10. Platonov A.P. Sochineniya. T. I. Kn. 1. Rasskazy. Stichtvtvreniya. Moscow, IMLI, RAN, 2004.
11. Platonov A.P. Povesti 1920-x – nachala 1930-x godov, Moscow, Vremya Publ., 2009.
12. Platonov A.P. Sухой хлеб. Rasskazy, skazki. Moscow, Vremya Publ., 2011.
13. Platonov A.P. Smerti net! Rasskazy i publitsistika 1941–1945 godov. Moscow, Vremya Publ., 2010. 544 p.
14. Tamarchenko N.D. Teoreticheskaya poetika: ponyatiya i opredeleniya, Hrestomatiya dlya studentov filologicheskikh fakultetov. Moscow, Rus.State Hum. Inst. Publ., 1999.

Рецензенты:

Шаврыгин С.М., д.фил.н., профессор, декан филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета, г. Ульяновск;

Воронин В.С., д.фил.н., профессор кафедры филологии Волжского гуманитарного института (филиала) ВолГУ, г. Волжский. Работа поступила в редакцию 09.08.2012.